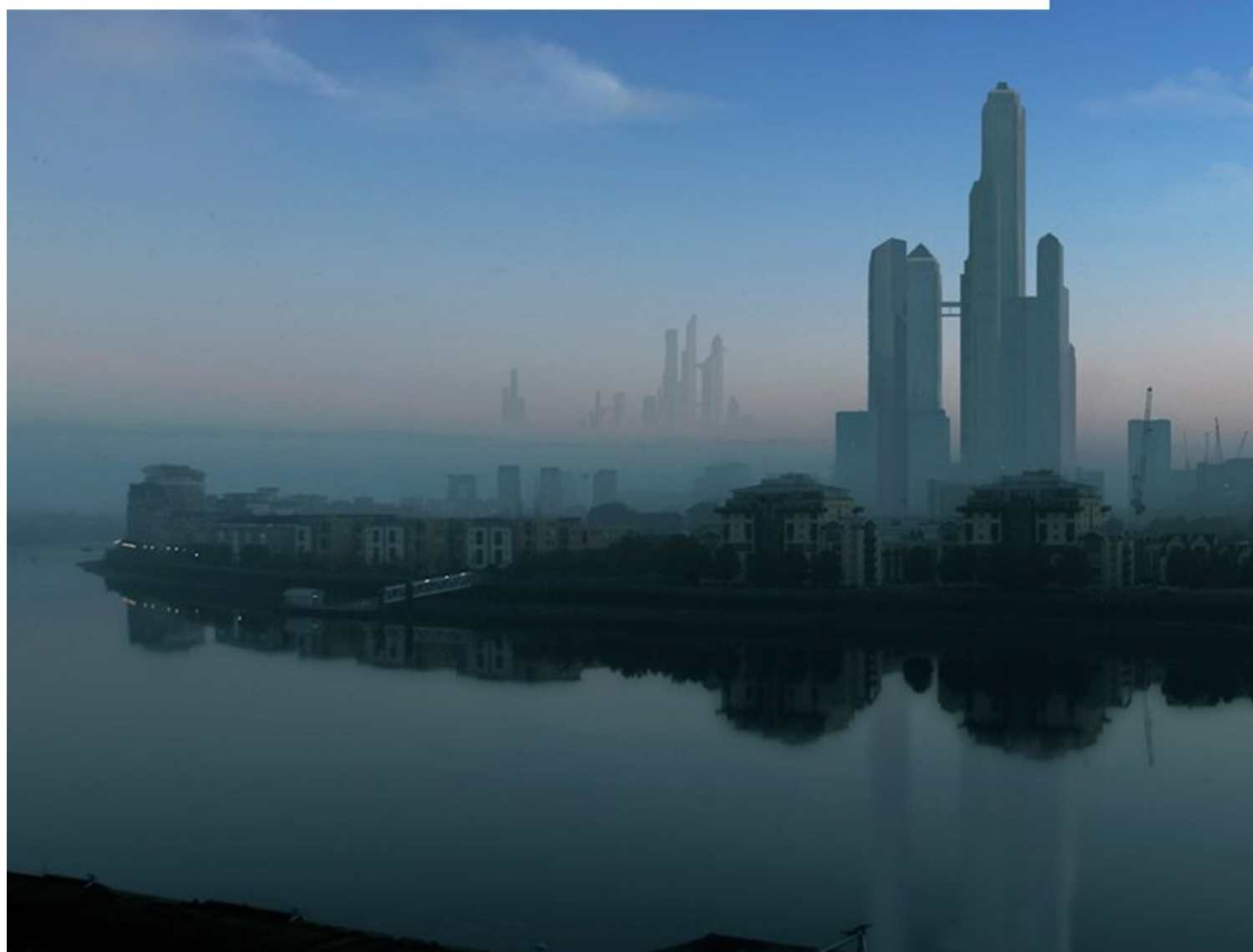

Дмитрий Селин

Новое время

Дмитрий Селин

Новое время

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Селин Д.

Новое время / Д. Селин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Майя таки не обманули - 21 декабря 2012 года произошёл конец света. Но не для всех и не везде. На следующий день на континентальной территории РФ появилась соответствующая территория Российской Империи образца 1913 года. Калининградская область и республика Тува осталась РФ-образца, как и все принадлежащие РФ острова, кроме острова Котлин. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Сосед Артёма по бизнес-классу проспал явление нового мира. Не удивительно, при том объёме весьма дорого коньяка, немедленно после взлёта принятого «на грудь» дородным начальником из Управления железной дороги. Максим Сергеевич, как представился уже сидящий мужчина, после первого глотка из незамедлительно купленной в «магазине на борту» бутылочки «Хеннеси», работал в «управе», как он называл здание на Челюскинцев, кем-то очень важным по насыпям, рельсам и шпалам.

Артём, привыкший к подобным пассажирам за многие рейсы в Москву и обратно, слушал вполуха, периодически вставляя нейтральные реплики для поддержания видимости разговора. Это было нетрудно, ведь тема сегодня, как и вчера, была только одна – так и не наступивший конец света по календарю древних майя.

– Лопухнулись, индейцы-то – разглагольствовал железнодорожник, не забывая прихлёбывать и причмокивать, смакуя вкус напитка – считали до умопомрачения, кучу народу под это дело порезали, а так облажались в итоге, гы-гы-гы. Верно, я говорю?

– Ага – расслабленно кивнул Артем, удобно расположившись в кресле. Вытянув ноги, он с любопытством разглядывал молоденьких стюардесс в своей униформе напоминавших снегурей-альбиносов. Красный то ли нагрудник, то ли подвёргшийся секвестру жилет на снежно белой-блузке. Сегодня он не встретил ни одного знакомого лица, хотя за год почти еженедельных полётов выучил личный состав «Уральских Авиалиний» на этом маршруте практически наизусть – а представьте, если б не облажались?

– Неее – Максим Сергеевич аж нагнулся вперёд от возмущения такой постановкой вопроса – не надо так шутить, молодой человек!

Он поднял вверх указательный палец левой руки и с чувством произнёс

– Пей! И в огонь весенней кутерьмы

Бросай дырявый, темный плащ Зимы.

Недлинен путь земной. А время – птица.

У птицы – крылья... Ты у края Тьмы.

«И немедленно выпил», как любил говорить Венедикт Ерофеев в пропитанном алкогольным туманом романе «Москва-Петушки».

– Хайям? – больше из вежливости спросил Артём после доброго глотка соседа. К чему был этот стих, он совершенно не понял.

– Он самый! – железнодорожник снова глотнул. Видимо, опыт употребления у него был огромный, как печень, а насчёт закусить Максим Сергеевич даже не заморачивался. – талантнице! Вот он зрел, тьфу, зрил сквозь века! Не то, что эти индейцы, от которых одни развалины и календарь с концом света остались. Правильно их Кортес вырезал!

«Широко образование у товарища – подумал Артём – надо б сузить. Да и бухать поменьше не помешало. Как он ещё на «железке» держится?». Тем временем стюардессы начали разносить напитки и журналы. От минералки Артём отказался, взял апельсинового сока с мякотью. Под закат года начальство неожиданно расщедрилось, вдруг купив билет на класс выше, чем обычно, и столь пристальное внимание «персональной» стюардессы бизнес-класса было ему непривычно. От подушки и плёда он то же отказался.

Прихлёбывая, он смотрел в тёмный иллюминатор, где ничего не было видно. Одинадцатый час вечера по Москве, всё затянуто облаками, за бортом семьдесят с чем-то градусов, высота десять тысяч шестьсот. Справа молча, медленно и со вкусом допивал коньяк железнодорожный чин. После завершившегося, наконец, бульканья, Максим Сергеевич закемарил, посапывая и похрапывая. Черноволосая стюардесса аккуратно забрала пустую бутылку из слабееющих рук, опустила спинку кресла, придав пассажиру более горизонтальное положение, укрыла

железнодорожника пледом. Артём тем временем допил сок, отдал пустой стакан стюардессе со слегка раскосыми чертами лица. Обручального кольца у неё не было.

К обеду железнодорожник проснулся самостоятельно, с удовольствием потянулся, сообщил Артёму, что «жизнь удалась, а майя пускай удавятся на своей радуге» и отправился в туалет. Где, судя по посвежевшей после прогулки физиономии, успел ещё и умыться.

После явно не гурманского «домодедовского» обеда, Артёма потянуло в сон. Лететь осталось чуть меньше часа, а там, если сам не проснёшься, тебя обязательно разбудит прикосновение рук вот той милой девушки в небесно-голубой униформе, с тёмными выщипанными волосами, непослушно выбивающимся из-под фирменного головного убора. Жаль, что по правилам коленок не видно, а там...

Проснулся Артём от суеты в салоне. Стюардессы бегали по салону туда и обратно, пассажиры громко о чём-то шушукались, Максим Сергеевич спал беспробудно. Взглянув на часы, Артём увидел, что до начала снижения оставались считанные минуты. Можно было полюбоваться с высоты огнями ночного Екатеринбурга, видным даже сквозь снег и метель с большой высоты. Артём повернулся к иллюминатору и обомлел. Огней внизу было слишком много. Всё пространство под крыльями аэробуса было залито мерцающим перламутровым светом, сотканным в подобие гигантского ковра от горизонта до горизонта. Города, и вообще что-либо сквозь эту световую пелену видно не было.

Минуты шли, а самолёт всё кружил и кружил над огромным светящимся полем.

– Девушка – Артём решил обратиться к пробежавшей мимо стюардессе, той самой, чернявенькой и незамужней – что случилось, почему мы не садимся?

– Северное сияние внизу – выпалила на ходу девушка – ждём, пока закончится.

– А если не закончится? – спросил Артём, но стюардесса уже убежала в эконом-класс.

Разговоры среди пассажиров стали всё громче, но всех перебил уверенный голос командира авиалайнера, донёсшийся из скрытых динамиков.

– Уважаемые пассажиры! Как вы наблюдаете, земля скрыта от нас редким природным явлением – приповерхностным северным сиянием на высоте пять тысяч шестьсот сорок два метра, по данным бортового радара. Какой-либо опасности оно не представляет, но лучше дождаться его прекращения. Если сияние будет продолжаться, через десять минут мы пойдём на посадку. Просьба пристегнуть ремни.

О том, что пропала всякая связь со службами аэропорта «Кольцово» и вообще с землёй, командир воздушного судна сообщать пассажирам не стал. Спутниковая навигация функционировала исправно, как и связь с другими находящимися в воздухе бортами. Именно от них КВС узнал, что перламутровым маревом затянута вся земля на десятки, а возможно и сотни километров вокруг. Если что случится, лететь было просто некуда. Ни один запасной аэродром, в пределах остатка топлива в баках, не отвечал на сигналы с небес. Молчали даже военные. «Шагол» под Челябинском, авиабазы в Арамиле и Каменск-Уральском как корова языком слизнула. Ничего, кроме треска помех.

– Что делать будем? – спросил командира второй пилот-стажёр, лишь недавно севший за сайдстик А320.

– Снижаемся до шести тысяч, а там посмотрим. Другого выхода у нас всё равно нет

Пилоты переглянулись, младший размашисто перекрестился. Авиалайнер наконец ушёл с эшелона.

Артём включил камеру на смартфоне и снимал через стекло иллюминатора, как приближается светящаяся поверхность. Привычно давило на уши, выданный стюардессой леденец не помогал. Неожиданно самолёт принял горизонтальное положение, прекратив опускаться к земле. Пассажиры недоумённо переглядывались, табло в салоне, извещающее о необходимости пристегнуть ремни, так и не гасло. Гул двигателей изменился, из недр самолёта донёсся еле

слышимый утробный звук выпускаемых шасси. «На такой высоте?» ошалело подумал Андрей и в этот момент самолёт снова нырнул вниз. «Они что, хотят приземлиться на ЭТО?» в иллюминаторе вместо светового марева уже была видна плотная даже на взгляд поверхность, напоминавшая сотканную из множества световых нитей грубую ткань. Она приближалась неукротимо, двигатели взвыли как-то особенно громко и наконец шасси лайнера коснулись непонятного чуда. Артём во все глаза смотрел, что при этом произойдёт и... ничего не случилось. Ни удара, ни каких-либо звуков. Как будто ничего и не было в нескольких метрах внизу. Маревое, мираж, оптический обман. По салону разнёсся общий счастливый выдох.

В кабине пилотов радость быстро сменилась отчаянием. Потянув ручку управления на себя, командир понял, что самолёт подниматься не хочет. Светящееся нечто ухватило аэробус за стойки шасси и не смотря на рёв выведенных на взлётный режим двигателей, крепко удерживало аэробус на одной высоте.

Надо было сообщить другим бортам о ловушке, но командир не успел это сделать. Сильный рывок и самолёт рухнул вниз, в световое болото, По глазам ударила яркая вспышка, холодом сжало сердце, сознание на миг отключилось.

Артём открыл глаза, судорожно сглотнул. Ощущение покалывающего изнутри холода наконец то прошло. Он огляделся – никто не кричал, не плакал, самолёт не падал камнем, кружась и вращаясь, всё было хорошо. За одним исключением.

За иллюминатором в безоблачном небе ярко светило солнце. Далеко внизу расстился знакомый уральский пейзаж, всё так же засыпанный снегом, как и два часа назад, при вылете из Москвы. Артём свернул интерфейс фотокамеры, часы на дисплее показали, что в небытии он пробыл не более двух минут.

– Чё за хня, блядь!?! – проснувшийся от провала в воздушную яму сосед ошалело крутил головой, как и все пассажиры наблюдая заливающие салон лучи зимнего солнца.

– Прилетели – сипя, сказал Артём, горло перехватило неожиданной болью – типа того.

– Солнце откуда, блядь? – продолжал недоумевать железнодорожник, вставляя любимый неопределённый артикль русского языка буквально через каждое слово.

Его распирала вопросы, но голос КВС остудил порыв любознательности.

– Уважаемые пассажиры! – из динамиков донёсся кашель, видимо, неприятности с головными связками настигли не только Артёма – аэропорт Кольцово на вызовы не отвечает, садитесь будем вручную. Просьба не отстёгивать ремни безопасности и выключить сотовые телефоны. Делайте то, что скажут бортпроводники и всё будет хорошо. Спасибо за понимание.

В наступившей тишине самолёт вновь опустил нос и пошёл навстречу земле. Артём буквально прилип лбом к иллюминатору и очень быстро понял, что с землёй там, внизу, что-то не то.

Исчезли автомобильные дороги, вместо крупнейшего мегаполиса Центральной России, в стороне был виден небольшой городок, с сизой дымкой поверх малоэтажной застройки. Ни одного высотного здания в пределах городской черты не было!

Пилоты поняли это ещё раньше, когда не увидели с высоты по курсу посадки посадочных огней и резко выделявшейся на фоне зимних красот очищенной взлётно-посадочной полосы. Комплекс зданий аэропорта вкупе с посёлком авиаторов неподалёку так же исчез, словно корова языком слизнула. Не было видно с такой высоты, в отдалении, и арамильской ВПП вместе с самим городом. Перезагрузивший модуль спутниковой навигации всеми найденными спутниками уверенно выдал координаты посадочного коридора, но пейзаж, что нёсся под крылом самолёта, к нему никакого отношения уже не имел. Леса и редкие поля с узкими следами просёлочных дорог – вот всё, что выхватывал на земле тренированный взгляд пилотов.

Посоветовавшись, пилоты повели самолёт на облёт незнакомого города, снизившись до двухсот метров. Сесть среди леса, на занимавшие место бывшего аэропорта заснеженные поля

и болота, было равнозначно быстрой гибели. В салоне тем временем воцарилась мёртвая тишина. Разум отказывался принимать увиденное глазами. Для проверки, не галлюцинация ли всем привиделась, Артём с трудом отвёл взгляд от мелькающих внизу россыпи деревянных домов с редким вкраплением не совсем и полностью каменных зданий и промотал запись на смартфоне немного назад. На экране «Филипса» всё так же бежали от края до края избы и домики, лишь отставая во времени от меняющегося внизу пейзажа. Самолёт пошёл уже на второй круг, пройдя где-то посередине между прудом в центре городка и озером по правому борту. Под крылом всё так же был запорошенный лес, в котором редко вились дорожные нити, в том числе изогнувшийся под прямым углом железнодорожный путь.

Артём так и не мог понять, что же он видит под крылом, очень и очень знакомое, но совершенно невозможное для существования в привычной реальности. Видимо, он сказал эту мысль вслух, на помощь неожиданно пришёл Максим Сергеевич. Он тоже внимательно смотрел в иллюминатор, наклонившись и вытянув из воротника форменной рубашки дородную шею

– Ебать, да это ж Екатеринбург начала двадцатого века, не раньше девятьсот девятого. До тысячи девятьсот тридцатого года точно. Охуеть не встать, бля!

– Почему? – повернулся к нему Артём.

– Да потому, блядь, что только в тридцатом году заебенели станцию Свердловск-Сортировочный, а здесь её нет, один разъезд «Палкино». Зато, вот, смотри, нехуёво работает дорога на Пермь через Кунгур, её как раз в девятом году сдали. Вот, паровоз ползёт, состав тащит.

– Отец, откуда ты это знаешь? – баритоном донёсся вопрос с передних кресел

– Я на дороге всю жизнь работаю – ответил Максим Сергеевич – знаю, что и как когда строили.

– Даже сто лет назад? – не унимался баритон спереди

– Разумеется – в голосе железнодорожника прорезался холод – даже за сто лет профиль пути не меняется.

Теперь пазл в мыслях Артёма сложился окончательно и бесповоротно. Он замолчал, глядя в иллюминатор, как искрится внизу лёд Верх-Исетского пруда. Задававший вопросы так же умолк, ведь самолёт вместо движения дальше на юго-восток вдруг плавно качнулся вправо и по огромной дуге понёсся куда-то к закату. Оставляя внизу глухую тайгу вместо россыпи коттеджных посёлков. Снова ожили динамики.

– Говорит командир воздушного судна. Делаем ещё круг и со второй попытки идём на вынужденную. Сядем на лёд как можно ближе к посёлку. Самолёт не утонет. Повторяю – даже если фюзеляж продавит ледяную поверхность, лёд под крыльями удержит самолёт. Вода закроет двигатели и не даст им загореться. Делайте всё, что скажут бортпроводники, они обучены, что надо делать при подобной посадке. Оденьте верхнюю одежду, уберите в ручную кладь книги, ручки, телефоны. Пристегните ремни, закройте голову руками и пригнитесь к спинке переднего кресла. Спасибо за понимание.

Динамик промолчал и после паузы выдал всего одну фразу

– Да поможет нам бог!

Пока пассажиры одевались и следовали другим советам бортпроводников, аэробус завершил разворот над лесом и проскочил над тонкими нитями железных дорог. Постепенно снижаясь и гася скорость, аэробус нёсся над заснеженным льдом заводского пруда. Артём вдруг вспомнил, что когда-то по льду Байкала проложили рельсы и пустили первые поезда дальше, по Транссибирской магистрали. Современный самолёт гораздо тяжелее тех допотопных вагонов и паровозов, но с другой стороны и площадь «брюха» фюзеляжа, которой придётся скользить по льду, у него в разы больше опорной поверхности шпал. Так что очень может быть – поначалу показавшийся безумным план подобной посадки может и получиться. Да, скорее всего, так и будет!

Артём не знал о вынужденной посадке почти полвека назад Ту-104 на лёд другого городского пруда, Нижне-Исетского, но командир о том давнем случае помнил ещё с курсантских времён и рассчитывал не повторить погубившей «тушку» слишком ранней посадки на высокой скорости. От траверза Малоконного мыса, где КВС запланировал касание льда, до застроенного какими-то хибарами и сараями полого южного берега, было чуть более трёх километров. Вполне достаточно для полной остановки шестидесятитонной крылатой машины, даже на запорошенном льду.

Опустившись до полусотни метров, пилоты провели аэробус мимо поросшего лесом и кустарником полуострова и снова подняв самолёт, ушли на последний круг. Немногочисленные пассажиры, не смотря на просьбу экипажа, продолжавшие упорно смотреть в иллюминатор и даже фиксировать всё увиденное на камеры своих телефонов, могли разглядеть бегающие по обоим берегам фигурки людей. Кто бы не был сейчас там, на земле, подданные ли последнего императора или граждане первого пролетарского государства, но такую летающую махину им в своей жизни довелось увидеть впервые. Рёв двигателей летящего на низкой высоте авиалайнера выгнал всех, кого можно, из домов посёлка и цехов завода под открытое небо. Они стояли и ждали, чем завершится столь нежданный визит. Одного они знать не могли – на всё про всё у экипажа было менее десяти минут. Двигатели самолёта, ушедшего на второй круг, дожигали крайние литры керосина, залитого в баки только «от сих до сих» домодедовскими заправщиками. В авиакомпании, экономия топлива, как главного вида издержек, была поставлена на должную для своего времени высоту.

– Идём на посадку! – без всякого приветствия донеслось из динамиков – Крепче держитесь и без паники! Всё будет хорошо!

Под крылом снова мелькнула двойная нить железных дорог, утробно урча, вернулись в крылья стойки шасси, и задирая нос, аэробус начал снижение. Всё ближе и ближе к замёрзшей воде, отпели свою песнь двигатели, заглушенные вторым пилотом, и самолёт, просев в воздухе, коснулся льда скошенной задней частью фюзеляжа. Глухой удар сотряс аэробус, кто-то тоненько крикнул, но ещё более громкий двойной удар коснувшихся льда двигателей заглушил все звуки в салоне. Пассажиры рвануло вперёд, самолёт через мгновение со страшным треском ударился об лёд носовой частью. Всё больше и больше загребая снег воздухозаборниками турбин, «триста двадцатый» нёсся по визжащему от немыслимой нагрузки льду, трясясь и подпрыгивая. Трясло жутко, с открывшихся багажных полок градом сыпались вещи, из своих гнезд в потолке над сиденьями вылетели кислородные маски. Разлетаясь по салону, сумки и чемоданы падали на пассажиров, причиняя боль и сдирая кожу до крови. Артём что-то орал, сам не понимая что, на одном прыжке самолёта крепко приложившись головой о боковую стенку. Перекрывая шум, что-то сзади-внизу-справа затрещало, завывало ором раздираемого металла и самолёт вдруг сорвался с прямой и начал поворачиваться на льду, завалившись на правый бок. Казалось, весь этот ад длится и длится, как с очередным особо сильным ударом, почти завершив разворот. самолёт подпрыгнул куда-то вверх, слегка задрав нос, да так и остался, замерев в таком положении.

Наступившая тишина показалась Артёму мёртвой. Он осторожно поднял голову, осмотрелся. Сосед отвёл руки от головы, выпрямился. Правая ладонь у Максима Сергеевича была измазана красным.

– Кровь .. у вас – пробормотал Артём, ослабевшими руками борясь с ремнём безопасности.

Железнодорожник поднёс ладонь к лицу, с удивлением рассмотрел кровавые следы, затем осторожно пощупал макушку.

– Ебать, долбануло. Кожу содрало, хуйня – констатировал Максим Сергеевич результаты осмотра. Несколько успокоившись, он перешёл на более литературный вариант русского языка

– удачно, как раз над виском. А могло и ниже долбануть. Мда-а-а. Стало быть, мы прибыли. С прибытием! – крикнул он ещё не вышедшим из ступора пассажирам.

Щёлкали замки ремней безопасности, люди пытались встать и осмотреться, насколько это было возможно в заваленном вещами салоне. Артём наконец смог избавиться от ремня, ухватился за спинку переднего кресла, приподнялся. Впереди, у кабины пилотов, раздалось два приглушённых хлопка, в салон потянуло холодом.

За его последнем, третьем рядом кресел была тонкая переборка, отделявшая экономных от ценителей дорого комфорта. Из-за неё доносились стоны и женский тонкий, непрекращающийся плач. Стюардессы, выбравшиеся из своего закутка у кабины пилотов, были бледны, слегка пошатывались, но обязанности свои исполняли на “пять”. Трое из них сразу убежали в эконом –класс, одна осталась. На плечах у всех висели сумки-аптечки на длинном тонком ремне.

– Начинаем эвакуацию! – сказала та самая, незамужняя. Голос у неё стал жёстким, с командирскими интонациями – покиньте самолёт по аварийному трапу у кабины пилотов, отойдите от самолёта и ждите помощи. Кто может помочь в эвакуации остальных пассажиров, идите за мной.

Не дожидаясь ответа, она быстро прошла мимо трёх рядов кресел, быстро осматривая пассажиров на предмет неотложной помощи. Остановилась она только у последнего ряда, быстро наложив железнодорожнику кровоостанавливающую повязку, и пошла дальше. Как понял Артём, по умолчанию подразумевалось, что комфортные кресла и простор бизнес-класса спасут его пассажиров от серьёзных травм и повреждений внутренних органов.

Из почти наполовину пустого при посадке салона в самолёте после этих слов остались лишь трое. Артём, его сосед и высокий парень с первого ряда, с несвоевременной бородкой клинышком. В красном пуховике, он двинулся к хвосту самолёта, за Артёмом и Максимом Сергеевичем. Остальные четверо, похватав разбросанные баулы, сиганули к распахнутым люкам.

Перед тем как пойти помогать стюардессам, Артем буквально на бегу взглянул в иллюминатор. Насколько можно было понять, самолёт всё-таки не смог погасить всю скорость на льду и выскочил носом на землю, потеряв часть крыла и придавив его остатком с разбитой гондолой левого двигателя что-то вроде рыбацкой пристани. По крайней мере так подумал Артём, увидев смятые и разодранные части каких-то баркасов, по зиме, видимо, вытасканные на берег. Далее на берегу виднелась небольшая церквушка и двухэтажное здание красного кирпича окружённое невысоким забором, от которого к самолёту бежали люди. Сколько их было, Артём не стал считать, были дела поважнее.

В эконом классе царил хаос. Плотная компоновка усугубила количество и тяжесть травм от ударов и разлетевшихся по салону вещей. Многие сумки и чемоданы при кувырках и падении раскрылись, засыпав пассажиров своим содержимым. Здесь были летние вещи возвращавшихся с курортов отпускников, всякая бытовая мелочёвка, блокноты, содержимое женских сумок и несколько раз Артёму на глаза попались книги в ярких обложках.

Обернувшись, крайняя к ним стюардесса буквально приказала Артёму и парню в красном пуховике.

– Вы, молодые люди, идите к люкам, будете помогать при высадке. Быстрее! Вы можете здесь – перевела взгляд стюардесса на Максим Сергеевича.

Вовремя. В самолёте начала нарастать паника, кто-то рвался от хвоста по проходу. Рас-талкивая всех в стороны, кричали женщины, плакали дети.

–Тихооо бя!! – заорал железнодорожники во всю лужёную глотку – выходим по двое, не толкаясь, в хвосте то же люки открыли. Куда прёшь нахуй, бя! – без лишних разговоров он стал на пути того самого, рвущегося от хвоста самолёта, мужичка с красным перекошенным лицом и бегающими глазами. Врезал ему по одутловатым щекам, да так громко, что звук пощёчины, казалось, заглушил все крики и вопли. Действительно, пассажиры сразу притихли.

Мужик обалдело смотрел на Максима Сергеевича и только дышал, раскрыв рот. На левой щеке расплывалось пятно от удара.

– Без паники, пиздец отменяется! – жизнерадостно заорал железнодорожник, отодвинувшись и пропуская приведенного в чувство пассажира вперёд – по одному и по двое все выбегутся! Шмотье не берите, вернёмся за ним если что!

В хвостовой части салона то же навели относительный порядок и пассажиры стали быстро эвакуироваться по надувным трапам. Артём стоял у распахнутого люка, помогая остальным без давки покинуть самолёт. Протянуть руку, подхватить, поддержать, остановить рвущегося без очереди, усадить ребёнка на колени родителям и так снова и снова. Внизу у трапа людей принимали те, кто ранее смог выбраться, Среди них Артём не без удивления заметил сразу бежавших из бизнес-класса даму в норковой шубке и троих мужичков в дублёнках разной степени ценности. Максим Сергеевич мимо него не прошёл, видимо, эвакуировался через другой выход.

В отдалении с ноги на ногу переминались валенками бородатые мужики в зипунах и шапках-ушанках, какие-то неопределённого возраста бабы, закутанные в верхней части, с головой, яркими шальями и платками. К ним из-за стоявших в отдалении церквушки и обнесённого садом двухэтажного кирпичного дома подбегали группками и поодиночке местные жители, но подойти пока не решались.

Наконец, поток пассажиров иссяк, Артём вздохнул с облегчением, обернулся на резкий стук. Парень в красном пуховике пытался открыть дверь в кабину пилотов.

– Помоги, её заклинило, видимо – сказал он и без всякого перехода добавил – Андрей.

– Артём – сделав шаг, Артём пожал протянутую руку.

–Вдвоём сорвём, если что. Стюардессы сказали, что дверь должна быть разблокирована, но она не открывается. Давай, на раз, два – сказал Андрей.

– Ногами в пол крепче упрись, дави плечом, я руками – посоветовал Артём, встав рядом в узком проходе.

На счёт два металлическая дверь со скрипом поддалась и, после очередного толчка, наконец распахнулась. Заскочив в кабину пилотов, парни обнаружили только одного пилота, сидевшего в левом кресле. Оглядевшись, Артём увидел небольшое распахнутое окно справа и удививший в раскрытый проём оранжевый трос.

Оставшийся пилот поднял вверх правую руку и покачал ладонью с растопыренными пальцами из стороны в сторону – мол, всё нормально, не мешайте работать. В кабине царил полусумрак, стёкла были заляпаны разлетавшимся при самолётном слаломе снегом, почти все индикаторы и экраны на панелях приборов мрачно зияли тёмными пятнами. Даже лампы освещения не работали, свет был лишь от фонарика, поставленного «на попа» за двумя рычажками по центру разделяющего пилотов тоннеля.

Подойдя ближе, Артем понял, почему их попросили не мешать. Пилот – мужчина, как говорится в самом расцвете сил, но с уже тронутой сединой висками – вёл радиообмен с другим самолётом. Выслушав собеседника, пилот заговорил на английском. Базовых знаний языка у Артёма хватило лишь на то, что бы разобрать позывной “Sverdlovsk Air” с номером, да отдельные слова – «высота», «курс», «лёд», «скорость». Пилот, видимо, повторил своё сообщение несколько раз, затем протянул правую руку к панели управления на тоннеле, рядом с фонариком. Нажал несколько кнопок, погасил оставшиеся индикаторы, затем откинулся на спинку сиденья и морщась, снял с головы переговорную гарнитуру. Видимо, досталось ему крепко, но он всё ещё держался.

– Отлетались, ребятки – сказал пилот Андрею с Артёмом

– Крыло оборвало и двигатель – сказал стоявший сразу за пилотским креслом Андрей, повреждения с правой стороны он мог наблюдать лично.

– Слева только крыло немного, самый кончик – добавил информации Артём.

– Херня – скривившись от боли, сказал пилот – главное, что все живы. Тяжёлых нет на борту?

– Кого? – в голос спросили парни

– Тяжелораненых – уточнил пилот

Андрей с Артёмом переглянулись

– Нет, вроде. Спереди все сами вышли. Может в хвосте кто был, но мы никого не видели.

– Ладно, понятно – пилот сделал попытку встать, но со стоном опустился обратно на кресло.

– Что с Вами? – забеспокоился Артём.

– Спина – сквозь зубы сказал пилот – поясница, точнее. Годики уже не те, отлетал я своё, парни. Крайние рейсы остались и на пенсию, а вот, поди ж ты – приступ радикулита схватил при касании.

Он попытался засмеяться и скривился, морщась от боли.

– Ладно, фигня. Помогите встать, пора сваливать. Аккумуляторы сдохли, но керосинчик бежит... бежит потихоньку из баков. Нам пары сотни литров хватит, для фейерверка.

Ему помогли подняться, придерживая, довели до гардеробного шкафчика. Фонарь пилот выключил и забрал с собой. Уже одев фуражку и форменную куртку, на удивление всех оставшуюся висеть на вешалке, он спохватился и сказал, немного смущаясь

– Спасибо за помощь. Вы ведь пассажиров выводили? Позвольте представиться – Мерзляков Сергей Васильевич, командир этого некогда воздушного судна.

Они познакомились и пошли к аварийному трапу. Командир, перед тем как спустится, опираясь на спинки пассажирских кресел, прошёл бизнес-класс, заглянул в эконом, убедился, что никого там нет. Вернулся тем же манером к терпеливо его ждущим Андрею с Артёмом, успевших за время ожидания КВС подобрать с пола свою ручную кладь.

– А где второй пилот? – наконец задал Артём вопрос, мучавший его с момента «прорыва» в кабину пилотов.

– Я стажёра сразу на землю отправил, что бы было, кому там командовать – ответил Мерзляков, облокотившись у левого выхода на ряд сложенных кресел бортпроводников и с интересом разглядывая то, что можно было увидеть в открытый проём – да вот он, руками нам машет. Интересно, кто это с ним там рядом? В модной шляпе, знатный господин, наверное. Идите парни.

– А вы? – задал глупый вопрос Артём

– Я – последний – улыбнулся пилот – идите, идите. Не волнуйтесь, я сам справлюсь.

– Двинули, что ли? – сказал Андрей и покатился по трапу вниз, следом отправился Артём. Встав рядом, они подхватили скользнувшего к земле командира, не дав ему слишком сильно удариться ногами о надутый барьер аварийного трапа.

Перевалившись через край, Мерзляков встал на ноги и, отмахнувшись от помощи медленно двинулся в сторону второго пилота. Слабо кивая в ответ на благодарности обступивших его пассажиров. Они уже начали понимать, куда и когда им довелось приземлиться. В этом времени шанс на благополучную посадку реактивного лайнера был не слишком высок и пилоты в полной мере воспользовались единственным подвернувшимся шансом.

Пройти КВС смог буквально несколько метров. Расталкивая толпу, к нему пробился стажёр, буквально ведя за рукав постоянно оглядывающегося по сторонам невысокого господина в длинном тёмно-сером двубортном пальто, из-под которого выглядывали узконосые начищенные ботинки и чёрные брюки, в едва различимую вертикальную полоску. Не смотря на лёгкий мороз, градусов в пять, гардероб завершала фетровая шляпа с небольшими полями, кожаные перчатки и трость с гнутой ручкой. На взгляд Артёма господину не было и тридцати, что подчёркивалось франтовито загнутыми усиками, как у известного сыщика Пуаро в не менее известном телесериале. Гладко выбритое лицо местного модника вид имело чуть

бледное, слегка вытянутое и вполне европейское, неглубоко посаженные голубые глаза внимательно осматривали столь неожиданно вторгнувшихся в его привычный мир странно одетых людей и потерпевшую аварию, но от этого не утеревшей размаха и красоты летающую машину за их спинами. Присмотревшись, можно было заметить что фронт был весьма потрясён свалившимися на него событиями и новостями.

– Шубин Александр Иванович – модник галантно приподнял в приветствии шляпу – ответственный редактор газеты «Зауральский край». Чем могу вам помочь?

– Мерзляков Сергей Васильевич. Командир воздушного судна, линейный пилот первого класса – представился КВС – с Михаилом Васильевичем, вторым пилотом, я смотрю, вы уже знакомы?

Шубин кивнул.

– Хорошо – голос Мерзлякова стал напористым и почти жёстким – нам нужно как можно быстрее известить местные власти о своём прибытии и организовать размещение пассажиров и членов экипажа. Да, Александр Иванович – пилот вдруг спохватился и последующие слова произнёс гораздо более спокойным тоном – не соизволите ли сообщить нам, куда принесла нас нелёгкая? Кто у вас тут главный и вообще – «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?»

Уловив недоумение в глазах Шубина, Мерзляков пояснил – последние слова – цитата из одного стихотворения.

– Хороший слог – улыбнулся Шубин – Господа! – повысив голос, он обратился ко всем собравшимся вокруг пассажиров и членов экипажа авиалайнера – год у нас сейчас одна тысяча девятьсот тринадцатый от рождества Христова. Сегодня девятое декабря, понедельник.

– Сто лет тому назад – пробормотал стоявший рядом Андрей – почти. А почему понедельник? Суббота должна быть, мы в пятницу из Москвы вылетели.

Шубин обернулся на голос, виновато развёл руками. Мол, не могу объяснить сего факта.

– Календарь! – из толпы протолкнулась вперёд дама в годах, типажом обычной школьной учительницы – до революции юлианский календарь был, поэтому даты и дни недели сместились.

– До какой революции? – голос Шубина снизился почти до шёпота. По толпе прошла волна хмыканий и коротких реплик, вроде, «ну ты попал, парень» .

– Октябрьской. В тысяча девятьсот семнадцатом году случилась – начала было лекцию преподава, но опасный, как видно было по реакции Шубина, разговор, быстро свернул командир самолёта.

– Так, о грядущем и прочем поговорим в более спокойной и подходящей обстановке. Где здесь полиция, пожарные или что-то в этом роде? Надо место падения оцепить, вытекающее топливо песочком посыпать, да как можно быстрее. Поднимайте людей, Александр Иванович, на всё про всё максимум полчаса осталось.

– Да, конечно – спохватился репортёр, но, уже разворачиваясь, всё-таки задал вопрос Мерзлякову – что может случиться, через полчаса?

– Второй самолёт на подлёте – ответил пилот – не наш, арабский Боинг из Эмиратов. Сесть ему, кроме как по нашему маяку и следу, просто негде. Скоро здесь совсем тесно будет.

– Поразительно – только и смог сказать Шубин.

Выбравшись из толпы, он быстрым шагом, почти бегом направился в сторону видневшихся невдалеке заводских построек. Как помнил Артём, где-то там, на современной ему улице Кирова, располагалась одна из проходных старого ВИЗ-а, а значит, был телефон. На крайний случай можно было курьера в город отправить.

Теперь внимание пассажиров переключилось на преподаву, действительно оказавшуюся преподавателем, но не в школе, а на одном из факультетов Архитектурной Академии. Видимо, в Москве была по каким-то своим архитектурно-учебным делам и вернулась домой столь неудачно. Мимолётно Артём ей даже позавидовал – она с таким жаром рассказывала окружив-

шим её пассажирам о старом Екатеринбурге, чувствовалась, что тема сохранения культурного наследия в постоянно застраиваемом городе была для неё очень близка. И вот теперь, она сможет увидеть и прикоснуться к тому, что спасти не смогли, да во многом и не захотели, ни советские власти, ни пришедшие им на смену в городские и районные администрации «эффективные менеджеры».

По крайней мере люди отвлеклись, хотя бы на время, слушая и задавая вопросы. Артём выбрался из толпы, подошёл к внешнему краю смятой гондолы левого двигателя. Отсюда был хорошо видно, как изгибается по льду тормозной след самолёта. Видимо, буквально на последних десятках метрах скольжения самолёт провалился правым мотором глубоко под лёд, ещё не погасив полностью скорость. Двигатель не выдержал подобного издевательства и попросту оторвал крыло по пилону турбины, а самолёт крутануло вокруг центроплана и выбросило на покатый берег. Артём вспомнил, что по картам и снимкам Гугла здесь располагалась лодочная станция. Как оказалось, существовала она уже с самого начала двадцатого века. Пока по ней не прошёлся утюгом терпящей бедствие аэробус, смяв лодки и понтоны всей своей шестидесяти-тонной тушей. Да так удачно, что сброшенные к кормовых дверей аварийные трапы легли на свободные от разрушений участки промёрзшей земли, а не битый при падении лёд и ломанные в острые щепы баркасы.

– Как же его отсюда вытаскивать будут? – раздался сзади незнакомый мужской голос.

Артём обернулся. В метре позади-справа него стоял, засунув руки в нагрудные карманы серой утеплённой куртки, слегка полноватый мужик лет тридцати пяти-сорока. Из-под чёрной вязаной шапочки и натянутого капюшона на Артёма внимательно смотрели карие глаза, слегка уменьшенные тонкими линзами модных очков. Ростом и статью он был чуть повыше Артёма, но судя по широким джинсам и высоким шнурованным ботинкам, ассортимента сугубо «ашановского», за свои годы так и не достигшим нужных высот. «Командировочный, наверное» – подумал Артём и буквально через пару реплик убедился в ошибке.

– Оторванное крыло скоро утонет – так и не представившись, сообщил пассажир эконом-класса – пока пассажиры выходили, оно медленно погружалось.

–А-а – сообразил Артём, откуда у подошедшего было время так всё хорошо рассмотреть – так вы то же посадкой занимались?

– Да, с сыном у люка стояли – как о чём то само собой разумеющемся, сообщил незнакомец – с другой стороны эмчээсник был, потом к нему железнодорожник подключился, когда почти все спустились.

– Я спереди был – сказал Артём и протянул руку.

Пассажира звали Максим Иванович или просто Максим. В разговоре выяснилось, что судьба отправила его в Москву получать окрасочное оборудование для собственной фирмы, ранее заказанное и оплаченное через одну из московских контор, живущих на «оптимальном» импорте из Соединенных Штатов Америки.

– Тесен мир – усмехнулся Артём, услышав название – знаю я их, хозяином там Седлецкий. Склады у них за МКАД-ом, у «Крокуса»?

Максим кивнул.

– Папа! – донёсся от кучковавшихся пассажиров детский голос.

Максим обернулся, помахал кому-то рукой.

– Пойду я – сказал он – младшая зовёт. Думаю, ещё свидемся.

– Свидемся – эхом ответил Артём, то же обернувшись и смотря вслед уходящему Максиму. Затем он поднял голову и увидел, как россыпью спускаются от дороги к самолёту солдаты в серых шинелях с длинными винтовками наперевес, впереди бежали офицеры, хорошо, что без револьверов и шашек наголо. Хотя с шашками, вроде, тогда были казаки.

«Ну почему, почему, как только дело доходит до чего-то серьёзного, в России быстрее всего реагирует армия? – тоскливо подумал Артём – где же полиция, пожарники наконец? И

где гасятся господа чекис.., тьфу ты, жандармы конечно! Такое событие и без их воспетых поэтами «мундирах голубых» обойтись ну никак не может! Репортёр и то в первых рядах оказался. Бардак, воистину бардак!»

Он сплюнул на снег от избытка вдруг переполнивших его душу чувств, хлопнул ладонью по измятому корпусу двигателя и ломая ботинками нетронутый наст, отправился к толпе теснее сплотившихся при виде солдат пассажиров.

Краткая пауза между актами драмы стремительно катилась к своему завершению и теперь всем попавшим в нежданное прошлое, предстояло наконец-то влиться тонким ручейком в реку Времени.

Кто сказал, что в неё невозможно войти дважды?

Солдаты оцепили периметр вокруг самолёта, оттеснив собравшихся в немалом числе обывателей. Приставили служивые винтовки к ноге и так замерли, неподвижными статуями в серых шинелях, перетянутых в поясе широким ремнём. Цепь оцепления образовала нечто вроде подковы, отстоявшей от самолёта не ближе десяти метров. Аэробус выскочил на берег под небольшим углом к урезу воды и вершина солдатской параболы почти касалась края дороги. Там тесной группкой собрались офицеры и после краткой паузы, потраченной видимо на бриф-совещание, к пассажирам двинулись двое, как подумал Артём – старшие по званию.

Навстречу им вышли все четверо, находившиеся на борту самолёта в форме – два пилота, железнодорожник и упомянутый Максимом эмчээсовец. Артём прошёл между группой из будущего и самолётом, встал чуть в стороне, у фюзеляжа. Так низко светившее зимнее солнце не могло помешать исторической видеозаписи. Смартфон уже был в руках и на экране Артём мог разглядеть в увеличение лица приближающихся офицеров. Ничего особенного, лица как лица поживших и много видевших за годы службы людей. У одного офицера в дополнение к модным в дореволюционные годы усам, подбородок охватывала аккуратная борода. «Как у николашки» – мельком подумал Артём и убрал увеличение в ноль. Офицеры уже подошли, остановились в метре от пассажиров. Условия для видеосъёмки были самые благоприятные.

– Командир второго батальона сто девяносто пятого пехотного Оровайского полка подполковник Вернер Михаил Николаевич – вскинув руку к папахе, представился старший по званию. Как вблизи было по изрезанному морщинами худощавому лицу, видно старший и по возрасту, с бородой.

– Командир четвёртой роты второго батальона сто девяносто пятого пехотного Оровайского полка штабс-капитан Беньяц Николай Васильевич – повторив жест старшего, сказал молодой, на беглый взгляд Артёма ему ещё и тридцати не было.

–С кем имею честь? – задал первый главный вопрос Вернер.

Мерзляков представился, добавив к своей титулатуре, к удивлению Артёма – «капитан Военно-Воздушных Сил Российской Федерации в отставке»

Так же козырнул стажёр, оказавшийся бывшим старшим лейтенантом ВВС. Железнодорожник и эмчээсовец воинских званий, так случилось, не имели. Карпенко Вадим Петрович, вообще в структуре МЧС был по пожарной части. Замначальника одного из отделов пожарного надзора где-то в областной глубинке.

Наконец, процедура представления закончилась и обе стороны перешли к деловой части.

– Нам необходимо разместить пассажиров и экипаж со всеми удобствами на некоторое время – с места в карьер начал Мерзляков, буравя подполковника взглядом – согласно Воздушного Кодекса Российской Федерации я имею все полномочия для соответствующих действий – КВС не прерывая речи, достал из внутреннего кармана форменного кителя сложенный вчетверо лист бумаги. Как заметил Артём, запаянный в ламинированную плёнку – здесь всё указано, господин подполковник.

Лицо штабс-капитана, стоявшего ближе к Артёму, слегка дёрнулось, как будто КВС сказал что-то в обществе непотребное. Вернер невозмутимо принял бумагу, держа её левой рукой в перчатке, развернул, бегло просмотрел документ.

– Соответствующих полномочий, господин... – Вернер слегка запнулся – капитан, к сожалению у меня нет. Это дело сугубо гражданских властей. Насколько я понимаю, в результате крушения вашего – снова пауза – самолёта никто не пострадал? О необходимости врачебной помощи Вы ничего не сказали.

Подполковник вернул документ Мерзлякову, дождался пока тот не убрал его обратно в карман кителя.

– Без относительно прочих обстоятельств – видно было, формулировка далась военному с некоторым трудом – необходимо обеспечить правопорядок на месте крушения, сохранность жизней и здоровья российских подданных и – пауза – иностранных граждан, а так же их имущества.

– Bravo, Михаил Николаевич – влез в разговор железнодорожник Серебряков – дипломатично как сказали! Сидите мол, у своего разбитого корыта, пока там наверху, чегой-нибудь не решат. Кто сейчас городской голова – Обухов?

– Обухов Александр Евлампиевич – сухо ответил Вернер, лишь голову повернув. Видно было, что всё возрастающее удивление он пока ещё сдерживает «железной рукой».

– Да что вы здесь рассусоливайте – раздался выкрик из толпы пассажиров – здесь дети, женщины! Что им, так и торчать посреди катастрофы?! Да отпусти ты!

Вперёд выбрался, отмахнувшись от кого-то, попытавшегося удержать, уже знакомый Артёму предприниматель Максим. В поднятой правой руке он держал небольшую папку или большой органайзер.

– Вот! – он вклинился между формоносителями – смотрите!

Максим открыл папку, оказавшейся чехлом большого десятидюймового планшета, буквально сунул его под нос Вернеру.

– Видите? – нетерпеливо сказал Максим вскинувшему в изумлении брови военному – фотоснимок этого участка берега, сделанный с большой высоты, так?

– Похоже, очень – внимательно изучив изображение на экране, согласился Вернер – что это за значок мигает?

– Это мы, господин подполковник – как маленькому, сказал Максим – точнее отметка с нашими координатами. Спутниковая отметка!

Максим дал посмотреть планшет штабс-капитану, осторожно взявшему айпад или Самсунг, Артём так и не разглядел, обеими руками.

– Навигационные спутники на месте, вот их количество в углу экрана указано. Как американские GPS, так и наши, системы Глонасс и это значит ...

– Что вокруг, где-то там, далеко отсюда – подхватил его мысль Мерзляков – наше время! Значит не мы, в прошлое провались, а всё совсем наоборот обстоит. Вы, Михаил Николаевич, Николай Васильевич и прочие подданные Российской Империи вместе с частью земли в наше время перенеслись!

– Да это совсем другое дело! – подал голос пожарный инспектор.

– Разумеется – согласился Максим – в багаже у меня всеволновый «Деген» лежит. Если не расколошматило при падении, на коротких волнах будет достаточно несколько радиостанций поймать. Для уточнения обстановки. Когда багаж доставать будем? – обратился Максим к Мерзлякову.

– Как топливо испарится – не раздумывая, ответил пилот – без пожарных и спецснаряжения в багажный отсек лезть не позволю!

–И то ладно – согласился Максим, аккуратно забрал из рук Бенянца планшет и отправился обратно, к семье.

Пассажиры, услышав столь важное сообщение, расслабились и начали потихонечку разбредаться по оцеплённой территории, группками и поодиночке. Переговоры тем временем продолжились.

– Послушайте, господа – перехватил у КВС инициативу Серебряков – давайте не будем исподлобья смотреть друг на друга. Мы все здесь русские и вполне можем договориться.

– В каком смысле? – прищурясь, спросил железнодорожника штабс-капитан. Вернер промолчал, предоставив сейчас говорить младшему по званию – то, что вы говорите по-русски, ещё ни о чём не говорит. Ни о вашем подданстве, ни о ваших намерениях.

– Намерения у нас самые простые – усмехнулся Серебряков – благополучно вернуться к себе домой. Вот и вся наша правда, если хотите. Если мы как-то смогли к вам попасть, то найти обратную дорогу вопрос сугубо технический. При этом вот это всё – Максим Сергеевич обвёл широким жестом пространство вокруг – как вы только что могли убедиться, существует в привычном для НАС – он нажимом выделил это местоимение – мире.

Вернер слушал патетическую речь Серебрякова с нескрываемым и плохо скрытым раздражением. Движением руки остановил готового ответить Бенянца и выложил представителям потерпевших крушения непробиваемый аргумент.

– Господа, я не буду разводить политесы, более присущие представителям жандармского корпуса, всего лишь сообщу Вам, что вверенное мне подразделение, как и вся армия Российской Империи, именным указом Государя Императора поднята по тревоге сегодня в девять часов утра.

Капитан замолчал, удовлетворившись сказанным. На лицах его собеседников тем временем проступило недоумение.

– Позвольте уточнить, Михаил Николаевич – вступил в разговор второй пилот – как давно это было?

Вернер лишь взглянул на штабс-капитана, как Бенянец лихо вытащил откуда-то из внутреннего кармана часы на длинной цепочке, отщёлкнул крышку и отрапортовал хорошо поставленным голосом.

– Сейчас час и сорок восемь минут пополудни!

Так же быстро закрыл хронометр, убрал в особый карман.

– Приказ Вы получили в девять часов местного времени? – сделал последнее уточнение второй пилот.

Вернер молча кивнул.

– Делааа – только и сказал эмчеэсовец.

Все остальные подавленно молчали. Надежда, вдруг вспыхнувшая путеводной звездой возвращения, стремительно угасала.

Со стороны оцепления послышался шум и отдельные выкрики

– Стой, куда идёшь! Не велено пропускать! Хватайте его, ребята!

– Шубин вернулся – обернувшись, сказал КВС, увидев знакомую фигуру – не могли бы Вы – обратился он к Вернеру – господин подполковник, приказать пропустить представителя прессы?

– Пропустить – только и сказал Вернер Бенянцу, тот быстрым шагом отправился к оцеплению и вернулся обратно с репортёром и ещё одним работником редакции «Зауральского края», тащившего на одном плече штатив, а на втором – большую плоскую сумку. Одет фотограф был несколько проще, если судить по калошам на валенках, выглядывающих из-под длинного драпового пальто. Правда, из разночинского образа выбивалось серо-зелёная кепи английского образца с опущенными наушниками.

Ни сколько не смутившись присутствием офицеров, долговязый фотограф начал шустро разворачивать свою «амуницию», отойдя несколько в сторону, что бы захватить весь самолёт

крупным планом. Тем временем Шубин, подойдя к группе потомков и предков, удостоился благородного недовольства.

– На каком основании, господин ... – Шубин торопливо представился подполковнику – Александр Иванович, Вы здесь фотостудию решили устроить?

– Ваше высокоблагородие – сухо ответил редактор – согласно Именного указа от 18 марта все ограничения свободы слова и повременных изданий возможны лишь в условиях чрезвычайной охраны или военного положения. Ничего подобного на территории Пермской губернии пока не введено. Как мне сообщили, сюда уже выехал городской голова, может у него есть более точные сведения?

«Лихо выкрутился» – подумал Артём – «на самое верхнее начальство сослался и сапогам нос утёр. Мол, ваше дело – оградное, и не более того. Не любит репортёр господ офицеров, ох, не любит. Не большевик ли он часом?»

Вернер в ответ Шубину лишь сдвинул брови, повернулся к терпеливо ждущим окончания разговора потомкам, молча козырнул Мерзлякову и круто развернувшись, отправился в сопровождении штабс-капитана встречать городское начальство.

Посмотрев в след удаляющимся офицерам, Шубин вернулся к обеспокоенным новыми фактами пилотам. Остальные двое отошли к самолёту. Пожарный на ходу что-то тихо доказывал Мерзлякову, помогая себе активной жестикуляцией. Решив оставаться в потоке событий, Артём отключил видеозапись. Убрав смартфон в наружный карман куртки, подошёл к пилотам и журналисту.

– Вы случаем не большевик? – с ходу спросил Артём Шубина. Надо было определиться, как с ним себя дальше вести.

– Полноте, молодой человек! – вскинул брови известный в Екатеринбурге репортёр – я с шестого года состою в партии народной свободы! Ещё с университетских времён, да-с!

Мерзляков только покачал головой.

– Ну, ты даёшь – без обиняков сказал второй пилот – тебя при посадке ничем по голове не стукнуло? Человек нам помочь хочет, а ты у него убеждения спрашиваешь! Ещё про регистрацию узнай и паспорт потребуй, до кучи!

– Прошу меня извинить – Артём неуклюже поклонился удивлённому Шубину – но вы так с офицерами разговаривали, что я подумал...

– Ах, бросьте! – махнул правой рукой репортёр – господин подполковник человек, скажем так, твердокаменных убеждений. В обществе неоднократно высказывался против последних реформ Государя Императора, якобы сделанных под пагубным влиянием Витте, Столыпина и Распутина! Да-да, именно так! Для него идеал государства состоит во временах Николая Первого.

– Понятно – усмехнулся Мерзляков – наверняка местный Союз Русского Народа приобрёл упёртого монархиста.

Шубин быстро прозондировал окрестности движением глаз и, снизив голос почти до шёпота, произнёс.

– Слухи такие ходят, да-с.

– Он же немец – удивился Артём – по фамилии.

– Двести лет как его предки в России живут – так же тихо ответил Шубин и, заметив подходящего к ним одного из пассажиров, сказал уже громко – вместе с городским головой придут гласные и все извозчики, кого возьмут по дороге. С поездкой в город, думаю, трудностей не возникнет.

– Ну что, договорились? – с видимым облегчением от хорошей новости сказал подошедший. Им оказался неугомонный Максим, в очередной раз оставивший свою семью и двинувшийся на поиски спокойствия и справедливости. Как он их понимал, конечно.

Шубин несколько замялся, видимо новость была с двойным дном.

– Как я понимаю, поселить в одной гостинице всех не получится. Сколько вас человек?
– Сто восемь пассажиров и шесть членов экипажа – оттарабанил стажёр
– Да-с – задумался Шубин – в «Американской» сейчас двадцать свободных номеров, в «Пале-рояль» – одиннадцать, у наследников Атаманова – восемнадцать. Что в остальных гостиницах и меблированных комнатах, пока не знаю.

– А сколько всего сейчас гостиниц в городе – явно что-то прикидывая в уме, спросил предприниматель

– В общей сложности двадцать акцизных заведений. Многие домовладельцы сдают комнаты, печатая объявления в нашей газете – сказал ответственный редактор

– Продвинуто у вас тут, при совласти меньше было – непонятно для Шубина сказал Максим – а сколько всего комнат, номеров в так сказать, наёмном фонде? Если все считать, занятые и незанятые?

– Меблированных номеров не менее пятисот, а сколько комнат в домовладениях – сие никому не известно.

– Ладно – От услышанной цифры лицо Максима слегка вытянулось и он перешёл к главной теме – сколько номер стоит?

– От рубля до двух в сутки. Где можно за семьдесят пять копеек остановится, в «Американской» большая часть номеров по три и четыре рубля. В домовладениях, конечно, дешевле. С полным пансионом комнату или дом снять можно. Но там как с хозяевами договоритесь.

– Как насчёт валюты? Можно за проживание долларами заплатить? – Максим явно решил узнать от редактора как можно больше, пока не прибыло высокое начальство и вокруг не началась эвакуационная суматоха. Мерзляков же слушал слова Шубина с нескрываемым скептицизмом и какой-то странной усмешкой.

– Не могу знать – развёл руками Шубин – у нас в провинции путешествующих подданных иностранных держав, можно сказать и не бывает. Рекомендую обратиться в отделения Русско-Азиатского и Волжско-Камского банка, там...

Его слова были самым бесцеремонным образом прерваны Мерзляковым. Командир воздушного судна хохотал во всё горло, для деликатности, правда, прикрыв ладонью лицо. Отсмеявшись, Сергей Васильевич, махнул рукой, и извинившись, перед Шубиным, объяснил всем присутствующим причину столь весёлого настроения.

– Вы какую валюту предлагать собираетесь? – обратился он к спокойно наблюдавшему за его эскападой Максиму – Доллары? Так ещё Федеральная Резервная Система не создана, которая их печатать будет! До двадцать третьего декабря ещё две недели! Но доллары, это ещё ничего – о них хотя бы банковские работники в курсе, что такая валюта существует. Евро для наших уважаемых предков – он мотнул головой в сторону Шубина – вообще за фантик пойдёт. Красивый, да, но не более того.

– Ваша осведомлённость в истории мировых финансов вызывает у меня искреннее восхищение – видимо, окружающая обстановка успела повлиять на Максима, оттого он и начал задвигать такие «периоды» – но неужели Вы думаете, что я о такой мелочи не подумал?

– Мелочи? – КВС слегка склонил голову и смотрел на Максима с нескрываемой иронией – может, Вы им ещё банковской карточкой расплатиться предложите? Понимаете, через какую щель они предложат её провести?

– Фи, Сергей Васильевич, подобное в приличном обществе, как сейчас говорится, не комильфо – Максим даже бровью не повёл в ответ на этот неприкрытый намёк – Ваши рассуждения абсолютно верны лишь и только в момент «сейчас». Завтра, послезавтра и самое позднее через неделю всё изменится. Сдаётся мне, что никуда нам не деться. Ну, в смысле, обратно к себе вернуться, в Российскую Федерацию. Две тысячи двенадцатого года. Как бы ни Вам, ни мне этого не хотелось, а это значит, что придётся жить в этом мире. Ну, если нет, конечно, домика в Болгарии или скромных апартаментов в Лондоне. У меня, например, нет. А у вас?

– Нет, конечно – слегка раздражённо ответил КВС – ипотечная квартира в Москве есть, дочери купил.. то есть была!

Мерзляков сунул руки в карманы форменного пальто, насупился.

– Возможно, Вы и правы – нехотя согласился он после некоторого раздумья – не забывайте только одно – здесь вам не Европа, народ живёт бедно, средняя рабочая зарплата сейчас в Российской империи всего двадцать четыре рубля в месяц. Так? – спросил он у напряжённо слушающего весь разговор Шубина

– Да-с – кивнул репортёр – в промышленности, по данным фабричных инспекций. Рост за пять лет десять процентов – не без гордости за успехи страны заявил Шубин.

Столь практическая беседа была прервана криком мальчишек, облепивших забор ближайшего к месту аварийной посадки особняка.

– Летят! Летят! – кричали они, размахивая шапками и даже гимназическими картузами. Повод сбежать с занятий был воистину железный и затесавшиеся в толпу заводских пацанов гимназисты им незамедлительно воспользовались. С более высокой, почти двухметровой, точки обзора им было видно лучше, чем прикрытым с западной стороны фюзеляжем собеседникам.

Проваливаясь на полколена в подтаявший снег, они обежали носовую часть аэробуса и увидели вдалеке, среди облачных разрывов, приближавшийся самолётный крестик.

– Быстро они – сказал Мерзляков. Недолго он смотрел в небо, вскинув голову и прищурившись. Видимо, что то, решив, КВС бросился к ждущим городского голову офицерам.

Там, о чём-то говоря и видимо что-то доказывая, Мерзляков показывал рукой то на приближающийся самолёт, то на лёд Верх-Исетского пруда. Где в пробитой при посадке полынье вертикально торчал уже самый край обломанного крыла.

– Артём оглянулся на треск наста и шорох продавливаемого множеством ног мокрого снега. Пассажиры потихоньку перебирались на сторону правого борта аэробуса, постепенно заполняя всё свободное пространство от огрызка крыла практически до солдатского оцепления. Ближе к пруду их не пустил второй стажёр, кому ласковым словом, а кому простым матом объяснив, что лезть в пропитываемый вытекающим керосином снег несколько, скажем так, опрометчиво.

Самолёт стремительно приближался с запада, постепенно снижаясь. Полученной от Мерзлякова информации арабским пилотам хватило, что бы не кружить вокруг Екатеринбурга в поисках посадочной площадки. Но и вести сразу на посадку Боинг – все знакомые с американскими самолётами уже могли разглядеть его характерные очертания – они не рискнули. Выпустив шасси, самолёт в фирменной раскраске Fly Dubai, где особенно выделялся синий хвост и оранжевые законцовки крыла, с рёвом и грохотом пронёсся, кажется, над самыми головами и ушёл в сторону не так и далёкого уездного града.

Завороженный ранее не виданным зрелищем, Артём не заметил, как к собравшимся у дороги офицерам и, так и оставшемся с ними Мерзлякову, лихо подкатили несколько саней с влекомыми запряжёнными двойками лошадьми, следом начали подтягиваться повозки попроще, всего лишь с одной лошадиной силой. Вне зависимости от престижа испуганно ржущей и пытавшейся шарахаться в стороны, подальше от ревущего в небесах чуда. Извозчики орали во всю глотку, матом и вожжами принуждали животных к работе. Шум и гам отвлек внимание от ушедшего на второй круг самолёта, к тому же из навороченных «двоек» вышли важные господа в шубах, под которыми легко угадывался мундир чиновного «среднего класса».

Артём остался на месте, в конце концов, самое верхнее начальство разберётся и без него, особенно если вспомнить косые взгляды, которыми Бенянец с Вернером то и дело бросали в сторону снимавшего самое начало переговоров Артёма. То, что в его руках синематографическая камера, они, конечно, не догадались, но столь назойливое внимание ни одному служащему во все времена было не очень приятно. Что косвенно подтвердил благополучно закон-

чившийся инцидент с газетным фотографом. Да вот и он, кстати – долговязая фигура была хорошо заметна по английской кепи на самом западном краю оцепления. Фотограф, не прибегая к магниевой вспышке, упоённо снимал аэробус и пассажиров, постоянно что-то прикладывая и убирая от объектива похожего на гармошку раскладного фотоаппарата. Большой поклонник метода Прокудина-Горского, внештатный фотограф «Зауральского края», сын известного Екатеринбургского фотографа и владельца первого фотомагазина, Виктор Владимирович Падучев всегда старался быть на острие технического прогресса. Сейчас он делал цветные снимки, через светофильтры, что бы потом совместить в специальном проекторе, собственной конструкции и получить на матовом стекле настоящее цветное изображение.

Вот и сейчас он в перерывах между снимками и выбором лучшего вида о чём-то беседовал с обступившем его пассажирами. Щёлкнул последний раз затвор, невеликий запас фотопластинок был быстро исчерпан. Аккуратно убрав заснятые фотоматериалы в специальный ящичек, с отделениями, обитыми внутри бархатом и проложенной ватой, он собрал и закрыл фотопринадлежности в сумку, сложил штатив и только после этого взял в руки протянутую кем-то из пассажиров компактную «цифромельницу». Завязался оживлённый разговор, хозяин камеры показал Падучеву, как обращаться с фоточудом японской разработки и китайской сборки. Быстро схватив невеликую мудрость, Виктор Владимирович немедленно перешёл на цифровой формат, снимая с увеличением и без, как сам самолёт, его пассажиров, так и виды вокруг.

Артём потянул было смартфон из кармана, но уже достав «Филипс», лишь повертел его в руках и вернул на прежнее место. Адреналиновый кураж, позволивший перенести жёсткую посадку авиалайнера и сделать потом много чего полезного, стремительно уходил, оставляя после себя усталость и пустоту. Только сейчас Артём начал понимать, что если бы всё пошло немного не так, вряд ли он бы смог выбраться из покорёженных самолётных обломков. Ноги стали ватными, Артём с трудом добрёл до фюзеляжа и приткнулся головой в покатующую поверхность носовой части. Рядом беззаботно свисал оранжевый трос, свитый из множества крепких синтетических нитей, свободным концом изображая на чистом снегу причудливую змею из странного будущего. Горло рывком схватил спазм и опустившись на колени, Артём наконец дал волю всему тому, что пришло в его жизнь всего каких-то тридцать минут назад.

Когда рвота закончилась так же быстро, как началась, Артём с удивлением обнаружил две неожиданных новости: во первых, что он крепко, до судорог, держится левой рукой за аварийный канат и во вторых, кто-то его держит за плечо и о чём-то озабоченно спрашивает.

– Подождите – только и сказал Артём, правой рукой зачерпнул горсть снега, вытер рот, потом ещё пригоршню колючего холода растёр по лицу. Отпустило немного, можно и подниматься.

Ему помогли. Обернувшись, Артём увидел всю ту же незамужнюю бортпроводницу.

– Вам плохо? Скажите! – озабоченно спрашивала она, пытаясь снизу вверх высмотреть что-то в глазах и мокрому лицу Артёма.

– Спасибо – Артём слегка вымученно улыбнулся – сейчас уже хорошо. Пойдёмте отсюда.

Они пошли рядом, Артём провёл ладонью по лицу, стирая холодные капли. Бортпроводница вытащила из сумки бумажную салфетку, ухватила Артёма за рукав, останавливая и быстро-быстро, но аккуратно, стала промакивать Артёму лицо.

– Да я сам – начал было Артём, но остановился. Это было приятно.

Совершенно неожиданно для себя он обнял за плечи оставшуюся для него безымянной стюардессу и прижал её к себе, словно стараясь сказать «всё закончилось, милая».

Девушка замерла в его объятиях, склонив голову ему на плечо и через мгновение, Артём, очнувшись, медленно отпустил её от себя.

– Извините, нервы – пробормотал он, глядя, как из серо-зелёных глаз беззвучно текут слёзы. Тонкие губы дрожали, но стюардесса ещё держалась.

– Теперь мне надо вам лицо вытирать – сказал Артём, забрал из кулачка девушки салфетку, промакнул сухим уголком под глазами – вот, всё хорошо. Вообще всё хорошо, да?

Девушка прикусила губу, несколько раз мелко кивнула,

– Меня Артёмом зовут – всё ещё ощущая неловкость от своей выходки, сказал молодой человек – извините, так получилось.

– А меня Айгуль – стюардесса подняла голову и в первый раз улыбнулась – сейчас всё хорошо, да – повторила она слова Артёма

– Красивое имя – в ответ улыбнулся Артём – вы из Уфы, да?

– Из Красноуфимска – ответила Айгуль, чуть отвернувшись в сторону и наводя порядок на лице очередной салфеткой – у нас практика, первый самостоятельный полёт... был.

Они шли рядом, обходя кабину, не обращая ни на кого внимания. Артём осторожно взял девушку под локоть, всё-таки идти по снегу в коротких сапожках на каблуке было ей не совсем удобно.

– Какие ваши годы, ещё много полётов будет! – оптимистично пообещал ей Артём.

Айгуль покачала головой.

– Вы ведь с офицером говорили, какие здесь полёты и на чём – она посмотрела на Артёма и слегка смутившись, призналась – я наверное больше на борт не ступлю. Страшно после всего этого.

– Ну – Артём пожал плечами – это как после автомобильной аварии. Мне поначалу то же не хотелось за руль возвращаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.